

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики
Российской академии наук**

**Научный доклад:
ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Москва

2015

Оглавление

Введение	3
1. Федеральные институты развития, представленные в субъектах Российской Федерации	6
2. Региональные институты развития	26
Заключение	37
Литература	43

Руководитель доклада – д.э.н., проф. А.В.Виленский.

Исполнители: д.э.н. А.Р.Бахтизин; д.э.н., О.Н.Валентик, д.э.н., проф. Е.М.Бухвальд; к.ю.н. М.В.Глигич-Золотарева; к.э.н. И.Н. Домнина; к.э.н. А.В. Кольчугина; к.э.н. В.А. Лопес; к.э.н. О.В.Лылова; к.э.н. Л.И. Маевская; д.э.н. А.В. Одинцова.

Редакционная работа: О.Н. Валентик, А.Д.Колесова.

Введение

Около десяти лет назад в практику государственного управления нашей страны был внедрен новый термин «институты развития», под которым понимаются организации, создаваемые в качестве инструмента экономической политики в ее разных проявлениях. Смысл институтов развития заключен в обеспечении, в том числе перехода страны на инновационный путь развития, в модернизации экономики, ухода от острой зависимости от экспорта сырья. Институты развития должны участвовать, по определению Минэкономразвития РФ, в развитии экономической и социальной инфраструктуры, и в устранении региональных дисбалансов в развитии (поддержка проектов в сфере транспортной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, энергосбережения).

Номинально институты развития предназначены для решения проблем, которые не могут быть реализованы рыночными механизмами оптимальным образом («провалы рынка»), для обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации экономики. Они призваны содействовать привлечению частных инвестиций в приоритетные отрасли экономики. Они же должны создавать условия для формирования обеспечения доступа к необходимым финансовым и информационным ресурсам субъектов хозяйствования, действующих в приоритетных отраслях экономики, максимально использовать их компетенции. Институты также призваны заниматься стимулированием развития внешнеэкономической деятельности и поддержкой малого и среднего бизнеса¹.

В работах Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН неоднократно отмечалось, что все институты развития лишь тогда будут в полной мере эффективны, когда наряду со своей основной функцией, они будут содействовать укреплению единого

1

<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/instdev/institute/>

экономического пространства страны, территориального развития в широком смысле, т.е. через кооперационные и иные связи будут давать импульсы для развития всего региона в целом и сопредельных территорий². Другими словами, наряду с основными своими функциями по модернизации, институты развития призваны быть инструментами региональной политики в ее разных проявлениях.

В России в настоящее время представлен практически весь спектр институтов развития, функционирующих в мире. Сами эти институты в большинстве своем по их номинальному предназначению и даже по названиям заимствованы из-за рубежа. По классификации представителей австрийской школы П.Беттке, Ч.Коин и П.Лисон, номинально они относятся к введенным изнутри экзогенным институтам (ИЭХ – «indigenously introduced exogenous»)³. В различных субъектах Российской Федерации на сегодня создано более 200 организаций, которые, исходя из осуществляемых функций, могут быть отнесены к региональным институтам развития.

Но в последние годы все чаще слышна критика деятельности этих организаций. В отношении гражданского сектора экономики нашей страны в приложении к институтам развития говорится о том, что провозглашенные для этих институтов цели не достигаются, выделенные бюджетные средства расходуются неэффективно. Сама организация этих институтов носит выражено бессистемный характер, в том числе и с точки зрения их роли как инструмента политики регионального развития.

Обращают на себя внимание слова Президента России В.Путина в его Послании Федеральному собранию 3 декабря 2015 года: многие из институтов

² См.: Бухвальд Е.М. Институты развития и формирование инновационной экономики в России // «Наука и практика» (Журнал РЭУ им. Г.В.Плеханова). 2013. №3 (11), стр. 22-34; его же: Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России // Теория и практика общественного развития. Изд. Дом «ХОРС». 2014 №6. С.108-114.

³ Заостровцев А. Современная австрийская школа об институтах, проблемах развития и роли экономиста.// Вопросы экономики. 2015 №7 с. 74 Boettke P.J. , Coyne Ch.J., Leeson P.T. Institutional stickiness and the new development economics. American Journal of Economics and Sociology, 2008, vol. 67, № 2 pp. 331-358.

развития, "к сожалению, превратились в настоящую помойку для "плохих" долгов". "Нужно провести их расчистку, безусловно, оптимизировать структуру и механизмы этой работы. Знаю, что и правительство, и Центральный банк сейчас активно этим занимаются"⁴. В Ежегодных Посланиях Президента РФ критика институтов развития звучала и ранее. О неэффективности ряда основных институтов развития правомерно было сказано в докладе профессора, руководителя Центра НИИ Минфина РФ д.э.н. И.Н. Рыковой на заседании научного семинара «Институциональная теория и её приложения» ИЭ РАН 14 апреля 2015 г. «Исследование эффективности и результативности деятельности институтов развития в российской экономике»⁵.

Например, в результате проверки Счетной палаты РФ деятельности ОАО «Роснано» было выявлено, что реализуемые этим «институтом развития» проекты принесли казне убыток в размере 2,5 млрд. руб., в то время как средняя заработная плата сотрудников этой организации выросла за 2007-2012 гг. невиданными для российской экономики темпами - в 9 раз, составив 593 тыс. руб.⁶ Схожие факты финансовых нарушений в размере 3,8 млрд. руб. были выявлены проверкой Счетной палаты РФ совместно с МВД РФ в Фонде «Сколково»⁷.

Обратим внимание и на то, что вся сложившаяся в нашей стране система государственного экономического управления и регулирования подвергается серьезной, во многом обоснованной критике за неэффективность

⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864>

⁵ <http://inecon.org/nauchnaya-zhizn/kruglye-stoly-arxiv/14-aprelya-2015-g-zasedanie-nauchnogo-seminara-linstitucionalnaya-teoriya-i-eyo-prilozheniyar.html>

⁶ См. Счетная палата проверила «Роснано // «Московский Комсомолец» от 27 апреля 2013 г. / URL: <http://www.mk.ru/economics/article/2013/04/26/847983-nanoezd-na-chubaysa-schetnaya-palata-proverila-rosnano-i-uzhasnulas.html>.

⁷URL:

http://biz.cnews.ru/top/2013/02/18/v_skolkovo_naydeny_mnogomilliardnye_finansovye_narusheniya_519336.

и склонность к деградации⁸. И разнообразные институты развития не являются здесь каким-то особым исключением. В то же время, Президент РФ и Правительство РФ не собираются отказываться от использования такого рода организаций в экономической политике. Так, в Послании Президента РФ 2015 г. сказано, что «на решение приоритетных задач, прежде всего связанных с технологической модернизацией, надо нацелить институты развития»⁹. Таким образом, как минимум в ближайшем будущем институты развития будут занимать важное место в решении приоритетных задач развития российской экономики, в обеспечении ее модернизации структурной перестройки как в отраслевом, так и в территориальном разрезе. Однако для этого необходимо формирование таких экономических и организационно-правовых условий деятельности этих институтов развития, которые бы обеспечили не просто наведение в них элементарного порядка, но и кардинального повышения их отдачи с точки зрения их вклада в хозяйственное и социальное развитие.

В сложившейся в России совокупности институтов развития можно выделить четыре уровня: федеральный, региональные отделения федеральных институтов и, собственно, региональные институты и муниципальные институты.

1. Федеральные институты развития, представленные в субъектах Российской Федерации

Более 70% институтов развития принадлежит федеральному уровню. К *институтам развития федерального уровня*, действующим на территории нашей страны, прежде всего относятся Инвестиционный фонд Российской Федерации, Государственная корпорация «Банк развития и

⁸ Греф: реформы в России нужно свести к развитию качества управления. РИА, май, 2015
<http://ria.ru/economy/20150528/1066861341.html>

⁹ Там же

внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», ОАО «Российская венчурная компания», ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию», Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий», Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ», ОАО «Российский сельскохозяйственный банк», ОАО «Росагролизинг», ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства и др. Эти организации представляют собой верхний эшелон институтов развития.

Наиболее распространенной *формой региональных отделений федеральных институтов* являются региональные венчурные фонды. В основном они действуют в качестве местных операторов *ОАО «Российская венчурная компания»*. Венчурные фонды осуществляют инвестиции в ценные бумаги или предприятия с высокой долей риска в ожидании прибыли, и их задача - служить источником сравнительно дешевого финансирования для инновационных компаний, находящихся на ранней стадии развития. В этом качестве ОАО «РВК» выступает учредителем венчурных фондов в регионах.

По данным ОАО «РВК»,¹⁰ в России действует 22 региональных венчурных фонда инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере, созданных в 2006–2013 годах Минэкономразвития РФ совместно с администрациями регионов, общим объёмом 8,9 млрд. руб. Представители РВК входят в попечительские советы этих фондов. А начиная с января 2010 г., все проекты, являющиеся соискателями финансирования региональных венчурных фондов инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере, в обязательном порядке направляются на экспертизу в ОАО «РВК».

Решение о привлечении РВК к дополнительной экспертизе проектов региональных венчурных фондов было принято Минэкономразвития России в

¹⁰ http://www.rusventure.ru/ru/investments/regional_funds/

конце 2009 г. с целью профессионализации контроля за процедурами, по которым управляющими компаниями региональных фондов отбираются проекты для инвестирования. Структура активов региональных венчурных фондов такова: 25 % — средства федерального бюджета, 25 % - средства бюджета региона и 50 % — вложения частных инвесторов. Управляющие компании фондов выбираются на конкурсной основе. В отличие от федеральных, региональные венчурные фонды имеют строго ограниченную зону ответственности.

Нужно отметить, что в распределении венчурных фондов по территории страны существует заметное неравенство в их количестве и в размерах. Наибольшее количество фондов (девять) сосредоточено в Приволжском округе с общим объемом 3700 млн. руб., на втором месте Центральный округ с пятью фондами объемом 2044 млн. руб., Южный, Северо-Кавказский и Северо-Западный округа имеют по одному венчурному фонду на своей территории, на Дальнем Востоке региональные венчурные фонды как отделения федеральных институтов отсутствуют.

Помимо региональной неравномерности в размещении фондов, существует и еще одна проблема. В условиях общего дефицита проработанных инновационных проектов во многих регионах часть созданных фондов, по сути, оказалась недееспособной. За все время работы с 2008 г. большинство региональных венчурных подразделений ОАО «РВК» предоставили финансирование не более чем 1-2 проектам. С учетом того, что в мировой практике максимальное число успешных проектов, выходящих на окупаемость, не превышает 30%, а по настоящему прорывных среди них не более 1-5%, то текущие результаты деятельности большинства региональных венчурных фондов в России следует оценить как неудовлетворительные.

По всей видимости, рассчитывать на улучшение ситуации в этой сфере пока вряд ли возможно. Так, в течение 2014 года наблюдалась коррекция как по объему инвестиций, так и по количеству заключенных сделок, а венчурный рынок демонстрировал нисходящий тренд. Причинами охлаждения рынка

стали как негативные макроэкономические и внешнеполитические условия, так и естественные внутренние процессы, связанные с завершением фазы первоначального роста и переходом венчурного рынка к более зрелой стадии развития.

По итогам 2014 года объем сделок, заключенных в России, в сравнении с 2013 г. сократился на 26%. Без учета сделок стоимостью более 100 млн. долл. объем заключенных сделок составил 480,9 млн. долл. (653,1 млн. долл. годом ранее). Количество сделок в 2014 году при этом составило 149, что на 33% меньше показателя 2013 года.¹¹ В связи с этим изменилась деятельность региональных венчурных фондов. Сейчас, по сути, они играют роль местного кредитора инновационных фирм, однако масштаб их деятельности не позволяет рассчитывать на то, что они смогут обеспечить прорыв в развитии обслуживаемых ими регионов.

По аналогичной схеме работают отделения *«Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ)* в регионах. Агентство основано в мае 2011 г. с целью обеспечения благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата в России, создания условий и возможностей для развития нового бизнеса и проектов социального значения. С момента начала работы Агентству удалось наладить эффективные коммуникации между лидерами проектов, органами власти, а также институтами развития, банками, государственными корпорациями, министерствами и ведомствами.

В настоящее время Агентство работает в каждом федеральном округе (всего в 34 субъектах Российской Федерации), с которыми заключены соглашения о сотрудничестве и ведется проектная деятельность направлений АСИ. Работа Агентства в регионах направлена на поддержку новых проектов и устранение административных барьеров.

¹¹http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/Report_RVC_2014.pdf

В качестве примера деятельности подобных институтов можно привести Агентство инвестиционного развития Ростовской области или Агентство экономического развития Краснодарского края. Несмотря на сходство в названии стратегия деятельности таких институтов может весьма сильно различаться. Так, если в Ростовской области упор делается на привлечение потенциальных инвесторов в индустриальные парки, то в Краснодарском крае содействие получает любой интересный для края инвестор вне зависимости от конкретного места строительства предприятия. Компенсация затрат на подготовку инвестиционной площадки для инвестора в данном случае может быть произведена из регионального бюджета.

Следует отметить, что Агентство реализует проект, направленный на институциональные изменения деловой среды в регионах, – внедрение «Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации 1.0» по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе. Благодаря деятельности Агентства в продвижении Стандарта 1.0 в регионы, к его выполнению присоединилось уже более 73 субъекта Федерации.

Агентство выпускает ежемесячный информационный вестник, который фиксирует результаты мониторинга и предоставляет оперативную информацию о ходе внедрения (выполнения требований) регионального инвестиционного стандарта в субъектах Российской Федерации. При этом определяется место, занимаемое каждым субъектом РФ, по количеству внедренных положений Стандарта. На 01.2014г. лидерами по внедрению Стандарта были 13 субъектов Федерации ЦФО, полностью освоивших все 15 его положений, за исключением Московской области, освоившей только 3 положения. В Приволжском ФО - 11 регионов внедрили все положения и только 13 из установленных стандартов; в Северном ФО - полностью освоили требования 10 субъектов Федерации, в Томской области -13, Новосибирской области -1; в Уральском ФО - 6 субъектов полностью внедрили Стандарт, а остальные только приступили к этой работе. В Южном и Северо-Кавказском

ФО процесс освоения Стандарта также идет крайне медленно. Так, в ЮФО 15 положений инвестиционного стандарта внедрила Ростовская область, а в СКФО - только республика Дагестан. В Дальневосточном ФО Приморский, Хабаровский края, а также Магаданская область внедрили все 15 положений, а в Чукотском АО –только 3¹².

Важным на сегодня для институтов развития является разработка механизма «инвестиционного лифта», обеспечивающего содействие развитию несырьевых компаний средней капитализации, имеющих экспортный потенциал. Механизм направлен на снятие ограничений и обеспечение динамичного роста бизнеса с целью увеличения доли экспорта в выручке перспективных российских компаний. Для этого компаниям предоставляются возможности акционерного финансирования, финансирования инвестиционных планов, финансовой, гарантийной и страховой поддержки экспортных контрактов, административной и консультационной поддержки, в том числе при продвижении компании и продукции на целевых международных рынках. Реализацией этого механизма занимается как раз Агентство стратегических инициатив (далее -АСИ) совместно с Внешэкономбанком, Российским фондом прямых инвестиций, Российским экспортным центром на основании четырехстороннего соглашения о поддержке несырьевых экспортоориентированных компаний. Программа инвестиционного лифта была одобрена 27 мая 2015 года на заседании Наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив¹³.

В рамках соглашения будет осуществляться отбор и адресная поддержка российских компаний с экспортным потенциалом или потенциалом в области импортозамещения в регионах, имеющих соглашения с АСИ. Будет проводиться детальная экспертиза, анализ результатов комплексной проверки,

¹² <http://asi.ru/reports/>

¹³<http://asi.ru/investlift/>

а также финансирование отобранных компаний и проектов. Для этих целей РФПИ уже зарезервировал 15 млрд. рублей¹⁴

К следующей представленной в регионах формой институтов развития федерального подчинения можно отнести региональные ипотечные фонды, действующие по партнерским соглашениям с *Агентством ипотечного жилищного кредитования (АИЖК)*. По сути, это чисто комиссионные структуры, которые размещают за небольшой процент (1%) средства АИЖК среди частных клиентов-приобретателей жилья и банков, кредитующих по стандартам АИЖК. В период кризиса из-за ужесточения стандартов АИЖК сеть его региональных партнеров заметно уменьшилась. В настоящее время ипотечный рынок сложился в небольшом числе регионов с высоким уровнем душевых доходов, таких как Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Пермский край, Красноярский край. При этом значительная доля всех ипотечных кредитов напрямую предоставляется через отделения крупных федеральных банковских структур, а деятельность АИЖК в совокупности с региональными ипотечными агентствами занимает сравнительно небольшую часть рынка.

Нельзя не отметить и продвижение такого института развития, как *Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского края*, являющегося «дочкой» ВЭБа. Фонд развития Дальнего Востока был создан еще в ноябре 2011 г., но фактически заработал только сейчас. Мешали прежние правила инвестирования, позволяющие, в частности, вкладывать инвестиции только в окончательно подготовленные проекты с рыночной доходностью, и не допускающие участие госкомпаний. Ограничения были сняты в середине июля 2015 года после подписания постановления, меняющего правила работы Фонда. По мнению руководителей, в результате этих изменений к концу 2025 г. размер Фонда может достичь 78 млрд. руб.¹⁵

¹⁴ Там же

¹⁵ Источниками наполнения станут определенные доходы бюджета от поступления федеральных налогов (за исключением НДС) и от новых предприятий (например, дивиденды), в которые инвестировал Фонд развития Дальнего Востока, а также платежи предприятий за использование

Механизм деятельности Фонда развития Дальнего Востока похож на TIF (Tax Increment Financing), при котором инвестиции в инфраструктуру окупаются, в первую очередь, за счет генерируемых им налогов. По предварительным расчетам, Фонд в течение пяти ближайших лет сможет получить сумму, сопоставимую с его текущим капиталом (15,5 млрд. руб.).¹⁶ Однако следует иметь в виду, что практически все инфраструктурные проекты Дальневосточного фонда характеризуются длительным сроком окупаемости (более 10 лет). Это означает, что докапитализация Фонда за счет быстрой окупаемости реализуемых проектов и, соответственно, быстрой их налоговой отдачи не гарантирована. И в этом случае, скорее всего, не получится обойтись без привлечения госкомпаний, т.е. необходимо будет активизировать механизмы частно-государственного партнерства.

Формально все федеральные институты можно разделить на институты отраслевой и территориальной ориентации (см. схему 1).

инфраструктуры, созданной Фондом, и его собственные налоговые платежи, которые затем будут аккумулироваться на «защищенной» статье в течение года, а по итогам года за их счет и будет докапитализирован фонд. (См.: Ведомости, 10 августа 2015 г.)

¹⁶ Уже одобрены инвестиции Фонда на сумму в 4,8 млрд. руб. в три первых проекта. Деньги пойдут на строительство первого железнодорожного моста через Амур в Китай, дороги к золоторудным месторождениям структуры «Реновы» и на переработку мусора на Сахалине. Общая стоимость первых трех проектов – 23,3 млрд. руб. Сейчас фонд изучает еще семь проектов стоимостью 156 млрд. руб., 18 млрд. из них должен будет вложить он сам. – Там же

Количественные показатели в развитии и распространении институтов развития не подкрепляются соответствующими качественными изменениями ни в плане согласования отраслевых и пространственно-интеграционных приоритетов в их деятельности, ни в разрезе их позитивного воздействия на изменения тенденций пространственного развития российской экономики.

Так, традиционно территориально очень *сконцентрированы* *федеральные наукограды*¹⁷. Из 14 имеющихся наукоградов федерального уровня 12 (кроме Бийска и Кольцово) сосредоточены в Европейской части России. Из них 10 расположены в Москве, Петербурге и Московской области. Причем практически все наукограды находятся в регионах, уже сейчас имеющих душевую величину ВРП выше среднероссийского уровня. Возможно, следовало бы в рамочном виде отрегулировать также и статус наукоградов субфедерального уровня, определив возможности получения ими на конкурсной основе тех или иных видов федерального содействия, в том числе и с перспективой преобразования в тот или иной институт развития федерального уровня.

Что касается *федеральных особых экономических зон (ОЭЗ)*, то на сегодняшний день в России формально учреждена 31 ОЭЗ; реально функционирует не более 20. В этих ОЭЗ, по данным на начало 2015 г., работает 383 резидентов (в т.ч. 70 компаний с участием иностранного капитала). В этих ОЭЗ создано более 14 тыс. рабочих мест, заявлено более 500 млрд. руб. частных инвестиций, из которых компаниями фактически вложено в инвестиционные проекты уже более 160 млрд. руб. Однако при этом «за Уралом» действует только 6 таких зон, в том числе только 1 - технико-внедренческого типа (Томск). Промышленно-производственных ОЭЗ в этом огромном макрорегионе пока вообще нет¹⁸.

Однако делать акцент на значимой роли федеральных ОЭЗ в качестве инструмента экономического, в т.ч. межрегионального выравнивания инновационного развития в экономике России (прежде всего, за счет дальнейшего значительного увеличения числа этих зон), явно

¹⁷ Есть наукограды, за которыми этот статус закреплен федеральными нормативно-правовыми актами на основе Федерального закона. Помимо этого, по данным Союза развития наукоградов России, еще порядка 50-60 российских поселений различного типа декларировали себя «наукоградами» на основе нормативно-правовых актов субфедерального уровня (См.: http://naukograds.ru/naukograds/naukograds_inf/naukograds_list).

¹⁸ См.: <http://www.russez.ru/press/news?rid=750&oo=3&fnid=68&newWin=0&apage=1&nm=117629&fxsl=view.xsl>

нецелесообразно. Это связано с тем, что за последние несколько лет система федеральных институтов развития пополнилась новациями, которые, в отличие от создававшихся ранее, имеют отчетливо выраженную ориентацию на опережающее развитие отдельных территорий. Это такие институты, как «зоны территориального развития» (ЗТР)¹⁹, а затем и «территории опережающего социально-экономического развития» (ТОСЭР)²⁰. Что касается ЗТР, то постановлением от 10 апреля 2013 г. № 326 Правительство РФ утвердило перечень субъектов Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития. Включение субъектов Федерации в данный перечень проводилось на основе особого списка показателей, характер которых явно определяет ЗТР как инструмент подъема экономически отсталых регионов России. Однако каких-либо сведений о фактической деятельности ЗТР в одном из этих регионов России пока не найдено. Вся имеющаяся информация касается лишь намерений создать такие зоны, но, видимо, пока эти намерения достаточной поддержки со стороны Правительства РФ не получают.

Большинство существующих ОЭЗ в России функционируют неэффективно. Они не в полной мере способствуют активизации, расширению внешнеторговой и внешнеэкономической деятельности, привлечению иностранного и отечественного капитала, повышению конкурентоспособности национального производства, не могут решить задачи территориального развития, а, следовательно, и всей страны в целом.

Можно выделить несколько причин низкой эффективности института ОЭЗ.

Во-первых, большинство ОЭЗ имеют огромные размеры территорий, что требует эффективного управления и контроля, а также крупных капиталовложений для инфраструктурного обустройства. Однако такие

¹⁹ Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. №392 «О зонах территориального развития в Российской Федерации...»

²⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. №473 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

вложения в нынешней экономической ситуации государство не в состоянии обеспечить.

Во-вторых, имеются проблемы зонирования ОЭЗ, вызванные отсутствием сложившихся теоретических и практических взглядов на зонирование ОЭЗ и согласованного законодательства о зонировании территорий ОЭЗ.

В результате можно предположить, что зоны изначально создавались главным образом для получения иностранных или федеральных инвестиций и обеспечения льгот и преимуществ, а не для развития конкретных регионов. Как вариант решения данной проблемы может быть использован опыт создания профильных комиссий, которые бы проводили аналитическую и оценочную работу всех показателей, плюсов и минусов создания той или иной ОЭЗ, группировали бы отчеты и предоставляли бы их Правительству РФ на рассмотрение и принятие окончательного решения по поводу присвоения территории статуса ОЭЗ.

Ещё одна проблема ОЭЗ заключается в неэффективном использовании государственных средств. За 7 лет в ОЭЗ было вложено почти 122 млрд. руб. Однако к 2013 г. управляющими компаниями были выполнены работы на сумму 52 млрд. руб., что составляет всего 26% от ожидаемой до 2017 г. стоимости строительства, а с учетом работ, оплаченных регионами, - около 40% стоимости. Это явно недостаточный уровень для действительно эффективного развития особых экономических зон²¹.

Для решения данной проблемы федеральными органами власти планируется передать управление ОЭЗ из рук ОАО «ОЭЗ» непосредственно регионам, при этом за федеральным уровнем остается право одобрять или отклонять открытие новых зон. Однако данное перераспределение может

²¹ В марте 2014 года на официальном сайте Счетной Палаты Российской Федерации был опубликован отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования государственных средств, направленных на создание и развитие особых экономических зон» за период 2006-2012г. - <http://audit.gov.ru/activities/bulleten/> (дата обращения 13.02.2015)

иметь ряд негативных последствий, таких как увеличение региональной дифференциации в рамках управления ОЭЗ, неконкурентоспособность кризисных регионов в борьбе за создание на их территории ОЭЗ и, как следствие, утечка кадров и упадок оставшихся там предприятий, что идет вразрез с главными целями создания и функционирования ОЭЗ.

Еще одной острой проблемой является нехватка квалифицированных кадров в созданных ОЭЗ. Особенно это заметно, например, в зонах, носящих специфический характер (ядерная химия, медицина, автопроизводство и т.д.). Для решения этой проблемы может быть использован опыт создания инжиниринговых центров (ИЦ), ориентированных на инновационные отрасли промышленности. Также возможно сотрудничество резидентов с учебными заведениями по подготовке или переподготовке специалистов или создание образовательных центров для завершения обучения с учетом специфики компании на базе ОЭЗ.

Таким образом, ОЭЗ в качестве института регионального развития в России пока не имеет конструктивных результатов. Задействование его потенциальных возможностей требует как дополнительного нормативного регулирования, так и формирования необходимых социально-экономических предпосылок.²²

Особо следует остановиться на таком новом для России институте, как Территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), ориентированного на восточные регионы России. Несмотря на то, что каждая из создаваемых ТОСЭР имеет определенную экономическую «специализацию», в преимущественной мере их следует рассматривать именно как институты территориального развития. Остановимся на этих институтах подробнее.

²² <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/main/> (дата обращения 13.02.2015)

ТОСЭР как новация экономического зонирования

В числе наиболее значимых законодательных новаций конца 2014 г., принципиально важных для социально-экономического развития как Дальневосточного региона, так и России в целом, следует назвать Федеральный закон №473 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 г.. В целом данный законодательный акт оставляет двойственное впечатление.

С одной стороны, это, несомненно, важный и своевременный шаг для радикального оживления хозяйственной и социальной ситуации в регионе, где застойные процессы (по завершению процесса подготовки к саммиту АТЭС) приобрели не просто отчетливый характер, но и стали чреватые определенными экономическими и политическими рисками. Как ни оценивать данный закон, ситуацию застоя (в частности, после откровенной неудачи с предшествующим опытом экономического зонирования в данном регионе) он явно преодолевает. С другой стороны, в отношении как самого Закона, так и перспектив его реализации, есть известные сомнения, от которых нельзя просто отмахнуться; эти сомнения надо тщательно осмыслить и найти пути их преодоления.

Согласно пояснительной записке к Закону, бюджетные ассигнования из федерального бюджета на систему ТОСЭР должны составить за 3 года 42,0 млрд. руб., в том числе в 2015 г. - 7,0 млрд. руб., в 2016 г. - 15,0 млрд. руб. и в 2017 году - 20,0 млрд. руб. Назывались и более значительные суммы бюджетных вложений в ТОСЭР (видимо, с учетом софинансирования из бюджетов субъектов Федерации). Но, например, в 2013 г. на финансирование 13 российских (федеральных) наукоградов было направлено всего 500 млн. руб. Между тем, наукограды – это не некие надежды на будущие ТОСЭР, а уже реально действующие институты инновационного развития, которые надо модернизировать и в большей степени адаптировать к потребностям новой экономики России.

Весьма противоречивое впечатление оставляют многочисленные заявления о нацеленности ТОСЭР (как, видимо, и всех вариантов зонирования) на формирование облегченных (в переводе на русский язык - просто нормальных) условий ведения бизнеса, т.е. предпринимательской и инвестиционной деятельности. Возникает вопрос: как же так? Правительство уже около пятнадцати лет занимается вопросами дерегулирования предпринимательской деятельности, на этот счет принимаются федеральные законы²³, над улучшением инвестиционного климата работают специальные правительственные комиссии и пр. Но теперь приходится признать: добиться облегчения (нормализации) ведения бизнеса в целом по стране – задача нерешаемая, а успеха в этом направлении можно достичь, так сказать, только в точечном варианте. Если включенная в закон ТОСЭР модель оптимальна и гарантирует интерес со стороны предпринимателей и инвесторов, то почему бы не распространить ее, хотя бы поэтапно, на всю страну (исключая, конечно, компонент налогового льготирования, т.к. это просто привело бы к обвалу бюджетов всех уровней).

Хотя законом предлагается новый «институт развития» – ТОСЭР, ничем не мотивируется то, в чем сущностное и целевое отличие этого института; так ли нужно, имея одни институты, фабриковать еще и другие, с весьма схожими параметрами? Более того, аргумент о том, что ТОСЭР – это, прежде всего, специфический инструмент социально-экономического развития территорий Дальнего Востока «не проходит». Во-первых, нигде нет указания на то, какие именно специфические черты экономики регионов Дальнего Востока определили выбор именно этого вида «института развития», а не, скажем, создание в данном макрорегионе новых федеральных ОЭЗ или ЗТР.

Во-вторых, в соответствии с заключительными положениями Закона (ст.34), через 3 года после его принятия ТОСЭР, помимо регионов Дальнего

²³ Первый Пакет федеральных законов по дерегулированию предпринимательской деятельности был принят еще в 2001 г. (ФЗ №№128, 129 и 134 от 2001 г.), хотя его преимущественная адресация – субъекты малого и среднего предпринимательства.

Востока, могут создаваться и в других субъектах Российской Федерации. Иначе говоря, имеет место очевидное «институциональное дублирование», смысл которого нигде не объясняется.

Кроме того, на заключительном этапе продвижения данного законопроекта в число потенциальных первообладателей статуса ТОСЭР, помимо регионов Дальнего Востока, были включены «моногорода» России, находящиеся в наиболее сложном экономическом положении. Такое дополнение можно объяснить только принятием в 2014 г. ряда правительственных документов по идентификации и поддержке «моногородов» страны. Однако для поддержки «моногородов» уже создан специальный Фонд под управлением Внешэкономбанка. Да и в целом вызывает большие сомнения, что модель ТОСЭР подходит для решения проблем этих территорий. Специфика ТОСЭР – это скорее инструмент преимущественного освоения новых территорий, а для реанимации «моногородов» нужны совсем иные инструменты.

Не исключено, что ТОСЭР – просто некая реинкарнация бренда ОЭЗ, несколько поблекшего после того, как за 10 лет своего существования эти зоны так и не смогли выйти на прогнозируемые показатели их весомой доли в привлечении инвестиций в российскую экономику, в том числе и привлечения прямых иностранных инвестиций. Однако, даже если предположить гипотезу реинкарнации, то определенные выводы все-таки сделаны и уроки извлечены. Так, ТОСЭР предполагается более четко регулировать и целеориентировать по видам экономической деятельности, строить на базе кластерных систем, а не случайного набора пришедших в зону производств. Это касается намерения реализовать преимущественно экспортную ориентацию ТОСЭР, более гибкую систему налогового льготирования их резидентов и пр. Деятельность данных территорий будет регулироваться наблюдательными советами и управляющими компаниями, куда войдут представители всех уровней власти и профсоюзов. Кроме того, советы и управляющие компании будут участвовать в решении вопросов привлечения иностранных специалистов и

других категорий работников, строительства дорог, подведения коммуникаций электро-, газо- и водоснабжения. Особенно активно (даже еще до принятия Закона) над выбором дислокации ТОСЭР работали и работают в Приморском крае.

Здесь было предложено пять потенциальных площадок для размещения ТОСЭР: Надеждинский промышленный парк (Надеждинский район), порт Зарубино (Хасанский район), рекреационная зона на острове Русский (Владивостокский округ), нефтехимический комплекс (Находкинский округ) и сельскохозяйственный комплекс (Михайловский район). В ближайшей перспективе Министерство по развитию Дальнего Востока РФ представит на правительственную комиссию первые четыре (ТОСЭР): одну - на Камчатке, одну - в Приморье и две - в Хабаровском крае.

Однако было бы опасно полагать, что институт ТОСЭР гарантировано эффективен и абсолютно самодостаточен для устойчивого социально-экономического развития региона. Сторонники ТОСЭР и всяких иных вариантов «зонирования», в том числе на Дальнем Востоке, обычно ссылаются на опыт Китая, где таких зон порядка 200. Да, эти зоны действительно находятся на переднем рубеже технического прогресса и в преимущественной мере обеспечивают внешнюю конкурентоспособность китайской экономики. Однако, как отмечали многие эксперты, неправильно видеть конкурентные преимущества Китая, стран АТР только в том, что там функционируют некие особые территории (зоны) и Россия, следовательно, можем побить их только этим же «оружием»; действуя, так сказать, числом, а не умением. Это, как минимум, не очень глубокий взгляд на суть проблемы, которая имеет не только технико-технологические и экономические, но и важные социальные компоненты.

Во-первых, надо, прежде всего, отметить следующее. Излишне педалируя и пространственно все более распространяя практики всяческих «особых» зон, Правительство, по сути, формирует некую нездоровую предпринимательскую среду, способную функционировать и хоть как-то с

кем-то конкурировать, только находясь в особо благоприятных, льготных условиях. Напрашивается прямая аналогия с малым бизнесом, который у нас в итоге оказался в преимущественной мере взращен таким образом, что может существовать и работать только при наличии каких-то форм государственной поддержки²⁴. Однако нельзя построить эффективную конкурентную экономику, делая основной акцент на налоговое льготирование, на бесконечное вливание бюджетных средств, тогда как идеи технологических и иных инноваций как необходимого условия создания конкурентоспособных производств, в лучшем случае остаются лишь на втором плане²⁵.

Во-вторых, надо сказать, что уже на начальной стадии обсуждения данного законопроекта, у многих экспертов и политиков вызывал некоторое недоумение сам термин «опережающее развитие». Конечно, нельзя слишком придирается к формальным терминам, но все-таки авторам закона стоило пояснить: «опережающее развитие» - в чем? и, главное, по сравнению с кем?

Конечно, в итоговой версии Закона есть определение ТОСЭР, но оно касается не сути феномена опережения, а того, что эти территории обеспечивают правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятной среды для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для жизнедеятельности населения. Возникает вопрос: а на других территориях страны эти задачи уже не актуальны или в принципе нерешаемы? Никаким иным территориям развитие (хотя бы и не

²⁴ Так, Бухвальд Е.М. и Виленский А.В. отмечали: «...неизменно утверждалась идеология того, что, чем больше общие масштабы поддержки, чем шире «охват» ею субъектов МСП, тем это будет лучше и для самого сектора МСП, и для экономики в целом. Отсюда часто складывается впечатление, что наш малый бизнес вообще может действовать только при мощной государственной поддержке, а в «нормальных» условиях хозяйствования просто нежизнеспособен». См.: Бухвальд Е.М. и Виленский А.В. Способен ли малый бизнес преодолеть антиинновационный характер российской экономики?// Вестник РГНФ. Вестник РГНФ. 2014. №4. С.47-48. Излишний акцент на практику зонирования, по сути, означает распространение этой ошибочной идеологии на всех субъектов хозяйствования в экономике.

²⁵ В законе лишь оговаривается, что «при необходимости» (?) резидентам ТОСЭР могут задаваться минимальные требования к уровню применяемых технологий и методов производства, оборудования и пр.

«опережающее») и комфортные условия проживания населения уже не нужны?

Сомнительность самого термина «территория опережающего развития» стала еще более очевидной на фоне нынешнего состояния российской экономики. Это – неизбежный спад в 2015 г. и, в лучшем случае - нулевой в следующем, 2016 году. В этой ситуации опережающему развитию одних территорий может корреспондировать только стагнация и упадок других. Не будет преувеличением сказать, что сегодня в опережающем развитии нуждаются все территории страны, а не ее отдельные «точки»²⁶.

Укрепляясь в доминировании «точечной» стратегии развития территорий и, соответственно, всей экономики страны в целом, Россия направляется по пути разрыва экономического, предпринимательского и инвестиционного пространства страны, а также и естественной для рыночной экономики единой конкурентной среды. Разрывается и единое социальное пространство страны. Население регионов делится на людей «первого сорта», которые получают работу в ТОСЭР-ах или иных подобных «зонах» (более-менее достаточные доходы, определенные жизненные перспективы) и на людей «второго сорта», которые остаются за пределами ТОСЭР (низкие доходы, никаких жизненных перспектив).

Пока Закон построен таким образом, что упор делается на макроэкономический эффект, достигаемый именно за счет самих ТОСЭР-ов как таковых. Более того, Закон, вместо того, чтобы подталкивать к максимальному пространственному распространению позитивного социально-экономического эффекта ТОСЭР, например, через систему кооперационных связей, фактически предполагает как бы полностью изолировать их резидентов. Так, согласно Закону (ст.12), «резиденты территории опережающего социально-экономического развития не вправе иметь филиалы и представительства за пределами территории опережающего

²⁶ По оценкам Общественной палаты РФ, ТОСЭР-ы в совокупности займут 140 кв. км. или всего 0,002% территории Дальневосточного региона

социально-экономического развития». В случае создания ТОСЭР (ст.34) в моногородах, ее резиденты обязаны вести всю хозяйственную деятельность в пределах данного муниципального образования. Тут даже не ясен смысл этого ограничения – этим резидентам ТОСЭР в моногородах разрешается только нечто вроде натурального хозяйства?

Таким образом, одним из наиболее важных пробелов данного Закона и всей стратегии развития ТОСЭР состоит в том, что он никак не предполагает и не регулирует процесс распространения импульсов «опережающего развития» на прочие территории соответствующих регионов. По сути, предполагается действие ТОСЭР по принципу жестко разделенной, двухсекторной экономики: «процветания за забором» и потенциальный социально-экономический застой – с другой стороны. Тогда ТОСЭР напоминают старую советскую басню о построении коммунизма в одном отдельно взятом колхозе.

Эту же мысль, в частности, в отношении ТОСЭР проводят и другие ведущие эксперты. Так, академик П.А. Минакир пишет: «... если ТОСЭР – инструмент для развития территории, то главная проблема – распространение эффектов на окружающие ТОСЭР территории..., за счет запуска агломерационных эффектов. Но это произойдет только в том случае, если эффекты межрегиональной и межотраслевой кооперации окажутся сильнее эффектов специализации и конкуренции. Предполагаемые же территории использования ТОСЭР (Дальний Восток и Восточная Сибирь) представляют собой как раз противоположный случай»²⁷.

Наблюдаемая сегодня определенная бессистемность создания различных институтов развития должна смениться их четкой функциональной ориентацией, а также нацеленностью каждого из них на решение проблем социально-экономического развития конкретных типов регионов. Кроме того, если становится очевидным, что одни подобные институты в

²⁷ Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. №2. С.8.

преимущественной мере «работают» не на выравнивание, а на еще большую дифференциацию регионов, то должны быть одновременно усилены позиции и экономические возможности других инструментов экономической политики, оказывающих компенсирующее воздействие в направлении выравнивания и пространственной интеграции национальной экономики.

2. Региональные институты развития

В условиях недостаточности частных инвестиций в региональные инновационные проекты важное значение имеют *собственно региональные институты развития* (РИР).

Региональные институты развития должны, *во-первых*, осуществлять привлечение и комплексное использование финансовых и нефинансовых инструментов государственной поддержки инновационных проектов в целях обеспечения возможности их непрерывного финансирования на всех стадиях инновационного цикла (создание так называемого инновационного лифта).

Во-вторых, формировать инфраструктуру, обеспечивающую предприятиям приоритетных сфер региональной экономики доступ к необходимым финансовым, инновационным и информационным ресурсам.

В-третьих,—устранять административные барьеры, инициируя изменения в региональном законодательстве.

В-четвертых, обеспечивать замещение конкурентоспособными продуктами и услугами ряда технологических продуктов и потребительских услуг, ранее поставляемых на российский рынок ведущими экономическими странами.

Иными словами, речь идет о поддержке инновационных проектов, обеспечивающих потребности рынка в глобальном импортозамещении технологий в интересах стратегического развития экономики. Эту задачу они должны решать, опираясь не только на свои внутренние ресурсы, но и с учетом возможностей региональных бюджетов.

Ключевыми направлениями деятельности РИР являются поддержка предпринимательства, стимулирование развития инноваций, ликвидация технологического отставания. Собственно, *региональные институты развития* формируются в виде фондов поддержки МСП, региональных корпораций развития, региональных венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, ОЭЗ, территорий особого развития, кластеров и др.

Важным институтом развития на уровне субъектов Федерации в России выступают *региональные корпорации развития*. Подобные корпорации созданы в нескольких регионах РФ (Калужской, Пензенской, Ростовской, Волгоградской, Ульяновской, Самарской, Ярославской, Оренбургской, Белгородской, Тульской областях, Республиках Карелия и Чувашия), на Среднем Урале и Северном Кавказе.

Корпорации развития являются региональными операторами приоритетных инвестиционных проектов и, в отличие от частно-государственного партнерства или технологической платформы, не привязаны к конкретному проекту или к выполнению узкой цели, а решают более масштабные задачи. Однако существует ряд недостатков и проблем в работе данных институтов. Эти проблемы связаны, прежде всего, с отсутствием специального статуса таких институтов, который бы закреплялся соответствующим нормативным актом. Лишь в отдельных регионах приняты субфедеральные законы о корпорации.

В связи с этим из перечисленных выше субъектов Федерации реально и эффективно действует только одна - *корпорация развития Калужской области*, выстроенная на базе индустриальных парков (ИП), объединенных в автосборочный кластер. Именно эта корпорация осуществляет управление индустриальными парками. Она организует финансирование инфраструктурных проектов с привлечением кредитных средств под гарантии Правительства Области, а также осуществляет сопровождение инфраструктурных проектов и развитие инженерной и логистической инфраструктуры парков.

На начальном этапе (2007 год) проекты индустриальных парков субсидировались из бюджетных средств, но затем стали привлекаться и заемные средства под государственные гарантии. Основными партнерами Калужской области в создании инфраструктурных проектов выступают ВЭБ и ЕБРР (Европейский Банк реконструкции и развития). Сегодня на территории трех индустриальных парков Калужской области разместили свое производство три иностранных автопроизводителя: Volkswagen AG (ИП «Грабцево»), PSA PeugeotCitroen–MitsubishiMotorsCorporation (ИП «Росва»), VolvoTruckCorporation (ИП «Калуга-Юг»). Планируется, что в 2015 году в регионе будет выпускаться порядка 500 тысяч автомобилей в год, среди которых будет представлено 7 брендов и 25 различных моделей.²⁸

Идея ускорения экономического роста через создание отдельных индустриальных парков (как другой вариант промышленно-логистических зон) нашла применение и в других регионах России. Главным здесь было решение следующих основных проблем: информирование и привлечение конкретного инвестора, снятие административных и правовых барьеров, ускорение сроков оформления необходимой документации и, наконец, подготовка собственно производственной площадки со всей необходимой инфраструктурой. Как правило, она включает в себя готовые инженерные сооружения (авто, железнодорожные подъездные пути, канализацию, воду, газ и электроснабжение). В отдельных случаях возможно и возведение силами управляющей компании производственных помещений, позже передаваемых на различных условиях собственности эксплуатирующей компании.

В ряде регионов, начавших создание институтов, аналогичных корпорации развития Калужской области, из-за отсутствия необходимых финансовых ресурсов ограничились только презентацией для инвесторов и

²⁸ В среднем на создание всей необходимой инфраструктуры «под ключ» в каждом из промышленных парков в Калужской области пришлось около 580 млн. руб. На это пошла выделенная ВЭБом кредитная линия общим размером в 2,4 млрд. руб. –// Режим доступа: http://raexpert.ru/researches/regions/ros_evolution/part3

предоставлением участков для организации промышленных зон без уже готовой, как в случае с Калугой, инфраструктуры. Отсутствовала и внятная стратегия специализации заявленных проектов. Предлагаемые проекты не были обоснованы экономически, позиционирование регионов было проведено относительно слабо.

На наш взгляд, региональные корпорации развития особенно эффективны в развитых и инвестиционно привлекательных регионах, таких как Московская и Ленинградская области, что объясняется наличием большого потенциала и значительного спроса на землю для инвестирования со стороны местных и иностранных компаний для возведения индустриальных парков. Последнее может стать инициативой не только региональных властей, но и муниципалитетов, а сама застройка вестись частной компанией. Региональные власти в этом случае выступают лишь в качестве координатора проекта и обеспечат необходимую нормативно-правовую базу.

К региональным институтам относятся и *фонды поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП)*. Заметим, что пик деятельности таких фондов приходится на вторую половину 1990-х – начало прошлого десятилетия. Их стало значительно меньше после того, как функции субсидирования и, тем более, кредитования МСП стали передаваться иным организациям региональных систем поддержки МСП и банкам. Обычной претензией к этим фондам было и остается то, что имеющиеся у них финансовые ресурсы расходуются не по назначению и с низким охватом некрупных субъектов хозяйствования. Но в некоторых регионах эти фонды продолжают работать.

Примером может служить государственный фонд поддержки предпринимательства Кемеровской области. Он является одним из инструментов, посредством которого реализуется механизм поддержки малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области. Фонд работает с любым предпринимателем, который относится к категории субъекта малого и среднего предпринимательства, а именно имеющий

численность наемных работников не более 250 человек и с годовой выручкой до 1 миллиарда рублей.

Основными целями деятельности этого Фонда, в соответствии с его Уставом, являются: обеспечение равного доступа субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций, входящих в инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, к кредитным и иным финансовым ресурсам; развитие в Кемеровской области системы гарантий и поручительств по обязательствам субъектов МСП и организаций, входящих в инфраструктуру поддержки МСП; развитие в Кемеровской области системы кредитования субъектов МСП и организаций, входящих в инфраструктуру поддержки МСП; содействие и участие в реализации проектов и мероприятий, направленных на поддержку и развитие МСП в Кемеровской области²⁹.

В соответствии с федеральным законом 2007 г. О развитии малого и среднего предпринимательства, в нашей стране в качестве инфраструктуры поддержки субъектов МСП созданы организации двух типов:

1. Коммерческие и некоммерческие организации, которые создаются, осуществляют свою деятельность или привлекаются в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в целях размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд при реализации федеральных, региональных и муниципальных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечивающих условия для создания субъектов малого и среднего предпринимательства, и оказания им поддержки. Речь идет об организациях, оказывающих поддержку МСП в рамках выполнения государственных и муниципальных заказов на осуществление этой поддержки.

²⁹ <http://www.gfppko.ru/index.php/o-fonde/ustav.html>

2. Центры и агентства по развитию предпринимательства, государственные и муниципальные фонды поддержки предпринимательства, фонды содействия кредитованию (гарантийные фонды, фонды поручительств), акционерные инвестиционные фонды и закрытые паевые инвестиционные фонды, привлекающие инвестиции для субъектов малого и среднего предпринимательства, технопарки, научные парки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, палаты и центры ремесел, центры поддержки субподряда, маркетинговые и учебно-деловые центры, агентства по поддержке экспорта товаров, лизинговые компании, консультационные центры и иные организации. Эти организации могут находиться на бюджетном финансировании, включая прямое бюджетное финансирование.

Частично функции этих организаций по всей России все в большей мере берут на себя региональные и муниципальные Многофункциональные Центры обслуживания населения. Характерно, что федеральная Корпорация малого и среднего предпринимательства собирается реализовывать свои мероприятия, включая гарантирование кредитов для МСП, через такие центры.

Остановимся на организациях поддержки МСП, которые имеют наибольшее отношение к процессам модернизации. Так, в Москве создан и функционирует *Центр инновационного развития* – основанное Правительством Москвы агентство экономического развития, ответственное за разработку и реализацию государственных программ развития высокотехнологичных секторов экономики столицы.

В Государственной программе Москвы «Стимулирование экономической активности на 2012-2016 гг.» прописаны такие мероприятия поддержки инновационной деятельности, как подготовка предложений по мерам государственного регулирования инновационной деятельности; информационно-аналитическое сопровождение реализации Подпрограммы; развитие и поддержание единого реестра инновационно-активных

организаций города Москвы; реализация мероприятий, направленных на сокращение административных барьеров при предоставлении государственных услуг, оптимизацию и повышение качества предоставления государственных услуг; финансирование создания и развития инфраструктуры особой экономической зоны технико-внедренческого типа «Зеленоград» и территории инновационного развития «Москвич»; организация информационно-имиджевых мероприятий, в том числе создание и развитие информационно-аналитического портала города Москвы об инновационной деятельности.

Региональные инновационные бизнес-инкубаторы предназначены для организации инновационных стартапов. Например, основной целью Самарского бизнес-инкубатора является развитие экономики Самарской области на основе инновационной деятельности путем создания и более широкого использования современных технологий и наукоемкой товарной продукции, подготовки условий для быстрого роста вновь созданных малых инновационных предприятий за счет выполнения ряда инфраструктурных мероприятий.

Региональные технопарки, промышленные парки и зоны и т.п. представляют собой отдельное существенное направление институтов развития, созданных для активизации процессов модернизации в российской экономике. Государственное Автономное Учреждение «Технопарк «Якутия» создан Распоряжением Президента Республики Саха (Якутия) в 2011 году. Его основная цель - коммерциализация инновационных проектов и трансфер новых технологий. Основные задачи технопарка: интеграция элементов инновационной инфраструктуры; поиск, оценка и отбор инновационных проектов; «упаковка» отобранных идей и проектов; поиск и отбор новых технологий для трансфера; продвижение разработанных инновационных проектов, новых технологий на российские и зарубежные рынки; оказание консалтинговых, юридических услуг. Технопарк оказывает услуги бизнес-инкубатора; организует семинары, конференции, выставки; осуществляет

развитие опытно-производственного технополигона; координирует деятельности Центров коллективного пользования; взаимодействует с региональными технопарками; развивает собственную инфраструктуру технопарка.

Основными видами деятельности инновационных предприятий Технопарка «Якутия» являются: Энергоресурсосбережение и энергоэффективность; Биотехнологии (агробиотехнологии и биомедицинские технологии); Транспорт и транспортная инфраструктура³⁰.

Промышленный Парк «Струнино» предоставляет подготовленную для строительства промышленную территорию с объектами инженерной инфраструктуры, коммуникациями и комплексом услуг обеспечения бизнеса. На территории «Промышленного Парка Струнино» созданы все необходимые условия для размещения производственных и логистических структур. Проект реализуется в соответствии с Генеральным планом развития Александровского района Владимирской области. Цель Промышленного Парка «Струнино» - предоставить участникам проекта возможность развивать свой бизнес с максимальными удобствами и минимальными затратами.

Если оценивать российские регионы с точки зрения количества институтов развития, то по ряду проведенных исследований³¹ можно сделать вывод о том, что в большинстве субъектов РФ (44 субъекта РФ) подобные институты представлены слабо или вовсе отсутствуют. Среди них: Владимирская, Ивановская, Костромская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Кировская, Нижегородская, Тюменская, Челябинская, Кемеровская, Амурская, Сахалинская области; Республики: Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия -

³⁰ <http://www.tpykt.ru/about/dhnndhnedhn-ndhdhdhdhdhdhn/>

³¹ Региональные институты развития как факторы экономического роста. Татаркин А. И., Котлярова С. Н. Экономика регионов. 2013. №3.С.9-18.

Алания, Чеченская, Марий Эл, Удмуртская, Бурятия, Тыва, Хакасия, Забайкальский, Камчатский, Ненецкий АО, ХМАО, ЯНАО, Чукотский, Еврейская АО.

Лидерами в области наличия и функционирования институтов развития стали 22 субъекта РФ: г. Санкт-Петербург, Томская область, Красноярский край, Республика Татарстан, г. Москва, Свердловская область, Калужская область, Иркутская область, Самарская область, Новосибирская, Пензенская, Ярославская, Воронежская, Ростовская, Ульяновская области, Республика Башкортостан, Московская, Липецкая, Калининградская, Саратовская, Оренбургская области, Пермский край. Особенно выделяется Санкт-Петербург, где функционирует ОЭЗ и создано две технологические платформы. Кроме того, в городе действует и постоянно обновляется инновационное и кластерное законодательство, что говорит о системном подходе органов власти к инновационному развитию территории. Регулярное проведение Петербургского экономического и международного инновационного форума свидетельствует о признании территории в качестве инновационного центра страны.

В эту же категорию наиболее активных регионов попадают такие субъекты РФ, как Республика Татарстан, Томская область и Красноярский край. Республика Татарстан имеет достаточно развитую законодательную базу для повышения инновационной активности и инвестиционной привлекательности региона. ОЭЗ «Алабуга» имеет промышленно-производственную направленность и стимулирует приток инвестиций в экономику региона. На территории Республики создана и активно набирает обороты технологическая платформа.

Институты развития Томской области и Красноярского края в большей степени направлены на содействие развитию инновационной деятельности. Проводимые на территории данных субъектов РФ экономические и инновационные форумы всероссийского масштаба, наличие федеральных и национальных университетов, создание технологических платформ

позволяют говорить о том, что данные субъекты являются центрами инновационного развития и активно используют все возможные институты развития.

Активно проявляют себя институты развития в таких субъектах, как Москва, Свердловская, Иркутская, Калужская, Самарская, Пензенская области.

Между тем, есть регионы, в которых имеющиеся институты развития никак себя не зарекомендовали. Единственное, что присутствует в данных регионах - это рамочные законы об инновационной деятельности. К ним относятся: Белгородская, Брянская, Тверская, Волгоградская, Омская, Магаданская области, Республики: Карелия, Мордовия, Коми, Чувашская, Алтай, Саха (Якутия), а также: Ставропольский, Краснодарский, Алтайский, Приморский, Хабаровский края.

Последнее свидетельствует о том, *что наличие, а в ряде случаев и избыток числа федеральных и региональных институтов развития и вменение им определенных задач по социально-экономическому развитию российских регионов, пока не дали ожидаемых результатов.* Особенно это касается региональных институтов развития, которые должны более эффективно реализовать региональный «срез», т.е. работать на местную экономику, создавая условия для активного роста предпринимательства.

В значительной степени такое положение объясняется следующими причинами. Во-первых, до сих пор не удается органично вписать деятельность этих институтов в федеральную стратегию регионального развития, как, впрочем, и участвовать в разработке самой региональной стратегии. Во-вторых, пока не найден баланс между двумя ключевыми каналами федерального финансового участия в социально-экономическом развитии регионов, а именно: с одной стороны, это использование системы федеральных межбюджетных трансфертов, т.е. финансирования регионального развития через систему межбюджетных отношений, с другой стороны, реализация различных федеральных целевых программ, а также

инвестиционных проектов, в том числе опосредуемых и софинансируемых федеральными и региональными институтами развития.

Негативно сказывается отсутствие достаточной научной проработки и методических рекомендаций, касающихся специфической природы и особых функций *региональных институтов развития*. Формально, как уже говорилось выше, такие институты уже созданы, однако в этом процессе отсутствуют необходимая системность, обоснованная «привязка» этих институтов к специфическим условиям и целям развития отдельных регионов. Не сложилось пока и единое представление о совокупности правовых, экономических и организационных предпосылок, обеспечивающих весомый вклад РИР в устойчивую, инновационно-ориентированную динамику хозяйственных комплексов субъектов Федерации.

Эффективность институтов развития в нашей стране, как и успешность региона, чаще всего определяется личностными качествами главы и его команды. Механизм отбора эффективных менеджеров отработан пока еще явно слабо. Значительная же часть российского чиновничества воспринимает самих себя исключительно как рентополучателей за свои должности. В немалой степени именно этим объясняется нежелание предпринимателей, частного капитала участвовать в инвестиционных проектах под контролем институтов развития и их регионально-управленческих кураторов. Все это необходимо учитывать в приложении к региональным институтам развития как введенным изнутри экзогенным институтам. Решение существующих проблемы требует серьезных реформ системы управления и непопулярных среди чиновников политических решений.

При создании РИР субъекты Федерации часто пытаются копировать формы и инструменты деятельности федеральных институтов развития, не учитывая в должной мере социально-экономическую специфику каждого региона. РИР недостаточно используются в рамках программно-целевых методов управления и бюджетирования, в деятельности РИР недооценивается

роль малого и среднего инновационного предпринимательства, не полностью используются возможности государственно-частного партнерства и пр.

Заключение

С учетом общей недостаточной эффективности российских институтов развития, само их появление как инструмента государственной экономической политики является шагом недостаточно продуманным. Российские институты развития выглядят не столько как новые, позитивно опробованные в мировой практике инструменты экономической политики (введенные изнутри экзогенные институты), сколько как очередной «филологический трюк или ширма» для, насколько это возможно, скрывать провалов в деятельности многочисленного российского чиновничества.

Что изменилось по существу, когда, например, Инвестиционный фонд РФ стали называть институтом развития? Его сотрудники стали более ответственно относиться к своим обязанностям? Или государственные средства стали направляться в первую очередь в эти организации (возможно, в ущерб решению других важных социально-экономических проблем)? Как показывают приведенные ранее данные проверки Счетной палаты РФ, вопрос этот далеко не простой.

Очевидно, что должна созреть востребованность общества и государства в новых, принципиально отличных от прежних, управленческих структурах. Без достаточной заинтересованности и активности со стороны федерального центра, вне заинтересованной позиции со стороны субфедеральных, т.е. региональных и местных органов власти, заведомо неосуществимо повышение эффективности деятельности институтов развития в российских регионах. Если предположить, что такая востребованность наличествует и не блокируется (или не полностью блокируется) российской бюрократией и острой дефицитностью бюджетов большинства российских регионов, то следует выделить две важные позиции.

Одна из них касается необходимых мер защиты финансовых интересов тех регионов и муниципалитетов, где размещаются институты развития. Например, закон о ТОСЭР и корреспондирующие ему поправки в налоговое законодательство предусматривают для резидентов ТОЭСР существенные налоговые льготы, в том числе, и по налогам, которые поступают в региональные и (возможно, в порядке передачи налоговых долей) в местные бюджеты. Прежде всего, это налог на прибыль организаций. Кроме того, существенные потери субфедеральных бюджетов для местных бюджетов возможны в связи с тем, что учреждение ТОЭСР будет сопровождаться отчуждением недвижимого доходобразующего имущества и земель, в т.ч. и находящихся в муниципальной собственности. В перспективе все эти утраты могут быть покрыты налоговыми доходами от хозяйственной деятельности резидентов ТОСЭР. Однако применительно к некоему стартовому периоду закон должен был бы содержать гарантии восполнения утрачиваемых доходов субфедеральных, особенно местных бюджетов с резервированием на эти цели части средств федерального бюджета, направляемых на программу создания ТОЭСР.

Вторая позиция связана с теми крайними сомнениями, которые вызывают заложенные в некоторые институты развития, в частности, ТОЭСР, возможности (принудительной) передачи части функций регионального (государственного) и муниципального управления в пользу управляющих компаний и их дочерним обществам. Ведь речь идет о таких важных функциях, как распоряжение недвижимым имуществом, земельными участками, лесным фондом.

Получается, что разработчики положений об институтах развития исходят из того, что имеющиеся на местах органы государственного (регионального) и муниципального управления недостаточно заинтересованы в привлечении инвестиций на свои территории, в связи с чем они, якобы, не могут эффективно осуществлять свои отдельные законодательно установленные полномочия (функции). Разработчики положений считают, что

имеющиеся на местах органы государственного (регионального) и муниципального управления недостаточно компетентны, не могут работать без бюрократизма, волокиты, коррупции и пр. Но не ясно, что именно позволяет разработчикам положений об институтах развития полагать, что аппарат управляющих компаний и их дочерних обществ института развития будет более компетентен, менее бюрократичен и коррупционен, чем уже имеющиеся на местах структуры государственного и муниципального управления?

Есть и чисто правовые аспекты этой проблемы. Передачу функций органов исполнительной власти субъектов Федерации в пользу 100%-но государственной управляющей компании (но не дочернего общества с неясным статусом) еще как-то можно «втиснуть» в основные положения 184-ого ФЗ³². Что касается аналогичной передачи функций органов местного самоуправления поселений, то, по нашему мнению, это – явная правовая коллизия. Ни в Конституции РФ, ни в 131-м ФЗ по местному самоуправлению³³ ничего о возможности такого отчуждения полномочий органов местного самоуправления в пользу кого-либо не говорится.

Правда, теперь формально в 131-й ФЗ внесено изменение, а именно ст. 82.3 («Особенности организации местного самоуправления на территориях опережающего социально-экономического развития»), где говорится о том, что особенности организации местного самоуправления на территориях опережающего социально-экономического развития устанавливаются Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Здесь, однако, законодатель стыдливо заменил отчуждение полномочий местного самоуправления на некие «особенности» (вопрос о том, согласно ли население

³² Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» №184-ФЗ от 6 октября 1999 г.

³³ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ от 6 октября 2003 г.

соответствующей территории на такое отчуждение, даже не поднимается). Таким образом, уже не в первый раз возникает негативный феномен регулятивных отсылок «по кругу». Мы полагаем такую практику правового регулирования самых насущных основ нашего общества и государства неправомерной и неэффективной. Другими словами, если некие территориальные особенности местного самоуправления в пределах тех или иных территорий насущно необходимы, они должны быть развернуто прописаны именно в 131-м ФЗ, а не в ином законодательном акте, прямого отношения к местному самоуправлению не имеющем.

Создание новых институтов развития и, тем более, принятие закона о такого рода организациях без четкой экономической программы их формирования и деятельности иррационально в принципе. 10 лет назад, когда принимался закон об особых экономических зонах, высказывалось немало предложений относительно того, что принятию закона должна предшествовать или, как минимум, соответствовать во времени разработка некоей концепции или долговременной программы развертывания ОЭЗ в стране. Предполагалось, что концепция (программа) должна была бы отразить такие основополагающие моменты, как принципы (границы) специализации зон, отбора регионов локализации ОЭЗ; институты и механизмы позитивного воздействия ОЭЗ на весь хозяйственный комплекс регионов; пути привлечения в данные зоны субъектов малого и среднего предпринимательства и, наконец, методика оценки эффективности деятельности ОЭЗ и вложенных в них бюджетных средств как в прямой форме, так и в косвенной (т.е. через налоговые льготы). Однако прошло 10 лет, а такого документа так и не имеется³⁴.

Сегодня эта ситуация в чем-то повторяется и с системой ТОСЭР - долговременной концепции их создания не имеется, хотя достаточно быстро

³⁴ Только в 2013 г. Постановлением Правительства РФ утверждены «Правила оценки эффективности функционирования особых экономических зон». См.: Постановление Правительства РФ от 10 июня 2013 г. №491.

(через 3 года) эти институты развития могут распространиться по всей стране. Приложенное к закону финансово-экономическое обоснование, по сути, является не обоснованием, а прогнозом, где заявленные показатели ничем не мотивированы, а, скорее всего, просто «взяты с потолка». Сколько таких институтов мы способны «потянуть» и сколько их вообще надо для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона? Кроме того, уже сейчас заметно, что избыточное инициирование всех видов институтов развития (как федерального, так и регионального уровня) может породить не только позитивные, но и негативные моменты, а именно – гонку налоговых льгот и преференций со стороны территорий - потенциальных приобретателей таких институтов.

Органы власти субъектов Федерации должны иметь представление о том, когда, как и в силу какой специфики «их» регионов они могут рассчитывать на возможность создания того или иного вида из числа федеральных институтов развития, а именно ОЭЗ, ЗТР или ТОСЭР.

Для повышения результативности институтов развития необходимо предусмотреть возможности передачи похожих функций от одних институтов к другим в результате конкуренции между ними. Рыночные условия позволяют отделять пресловутый параллелизм от здорового соперничества. Выживать должен лучший институт развития. При этом деятельность и организационная структура институтов развития должны быть максимально унифицированными, транспарентными, понятными для частных проектантов и инвесторов.

Наконец, по мере накопления опыта, необходимо уходить от нынешней практики «привязки» институтов развития к болевым точкам нашей экономики, к комплексному и скоординированному распределению их деятельности по всему полю национальной инновационной системы: от школьного образования для обеспечения высокой конкурентоспособности, высокой производительности труда по основным сферам экономики. Комплексность и унификация институтов должна подкрепляться мерами

государственного экономического регулирования, направленными на кардинальное повышение доходности от хозяйственной деятельности, связанной с инновациями и модернизацией. Целенаправленные государственные и муниципальные заказы на инновационную продукцию, специальные налоговые режимы по перераспределению доходов от экспорта сырья и топлива в пользу модернизации широко используются в высокоразвитых странах и являются апробированным инструментом в рыночной экономике. России еще предстоит трудный подбор и отбор институтов развития для выявления тех из них, которые в реальности способны дать стране искомые результаты по должной модернизации народного хозяйства.

В условиях экономического спада и сокращения инвестиционных источников финансирования регионального развития, деятельность инновационно-специализированных институтов развития, способных решать поставленные задачи, является необходимым шагом на пути инновационного направления развития экономики. Подобные институты могут взять на себя функции антикризисного развития и создания новых стимулов для развития региональной экономики. Однако для этого необходимо повышение уровня открытости и прозрачности их деятельности, а также рост эффективности финансируемых проектов на основе более широкого использования механизмов государственно-частного партнерства.

В то же время в условиях жесткого бюджетного финансирования на институты развития возложена задача по оптимизации их деятельности в части оказания финансовой поддержки субъектам инновационной деятельности, обеспечения приоритетности технологических направлений, которым оказывается поддержка через институты развития. Российские компании можно стимулировать к инновационному инвестированию посредством формирования корпоративных фондов поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности и фондов поддержки поисковых исследований, в том числе совместно с институтами развития и на

базе технологических платформ , а также для работ и проектов на доконкурентной стадии.

Потенциально научно-специализированные институты развития могут стать соорганизаторами и соинвесторами по инновационным проектам, направленным на передовое развитие технологий, определяющих национальную безопасность и стратегические конкурентные позиции России и ее регионов. Участие таких институтов развития в данных проектах должно быть скоординировано с реализацией действующих федеральных и региональных социально-экономических программ, что усилит организационные механизмы, обеспечивающие их исполнение, особенно в части привлечения венчурного капитала и мониторинга проектов³⁵.

Крайне существенно, чтобы в своей деятельности институты развития имели возможность опираться на должные научные разработки по направлениям их деятельности. Центральной темой исследований может стать поиск адекватности институтов развития как вводимым изнутри экзогенных институтов российским практикам и традициям. Для компенсации «провалов рынка» в российских условиях низкой предпринимательской активности только опора на должный научный потенциал способна принести позитивный результат. Но на него не приходится рассчитывать без поднятия статуса науки и значительного увеличения на нее бюджетных расходов.

Литература

- Андриченко Л.В., Юртаева Е.А. Конституционные основы российского федерализма // Журнал российского права. 2013. №6. С.5-18.
- Бухвальд Е.М. Развитие стратегического планирования и программно-целевого управления на региональном уровне (глава в монографии) // Экономико-правовые институты регулирования регионального развития Российской Федерации. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2013. С. 187-210.
- Бухвальд Е.М. Институты развития и формирование инновационной экономики в России (глава в монографии) // «Векторы смены экономического курса». Выпуск 10. РЭУ им. Г.В. Плеханова - Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. М. – Тамбов. 2015. С. 115-128.

³⁵ <http://www.политуправление.рф/архив/2014/01/Dmitrieva.html>

- Бухвальд Е.М. Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России Теория и практика общественного развития. Изд. Дом «ХОРС». 2014. №6. С.108-114.
- Бухвальд Е.М., Виленский А.В., Мальгина И.В. Стратегическое планирование и новые подходы к политике развития и поддержки малого и среднего предпринимательства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. №1. С.31-39.
- Бухвальд Е.М. и Виленский А.В. Способен ли малый бизнес преодолеть антиинновационный характер российской экономики? // Вестник РГНФ. Вестник РГНФ. 2014. №4. С.47-48.
- Валентей С.Д., Лыкова Л.Н., Бахтизин А.Р., Кольчугина А.В. Типизация субъектов Российской Федерации. Глава в монографии «Экономическая политика». Том 2 в трехтомнике «Urbi et orbi». М.: ИЭ РАН – СПб «Алетейя». 2014. С.677-709.
- Виленский А.В. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти в поддержке малого и среднего предпринимательства России // ЭТАП: Экономическая теория. Анализ. Практика. 2013. №2. С.55-69.
- Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход. Новосибирск: Наука, 2009. С. 525-526.
- Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы (монография) М.: ИЭ РАН. 2014.
- Домнина И.Н. Потенциал инновационного развития региональной экономики // Федерализм - 2015.- № 2. – С. 75-86
- Домнина И.Н., Маевская Л.И. Формы привлечения инвестиций в региональные венчурные проекты с учетом новых экономических реалий // Интеллект. Инновации. Инвестиции.- 2015.- №2.- С. 24-34
- Домнина И.Н., Маевская Л.И. Современные механизмы участия частного капитала в финансировании региональных венчурных бизнесов//Аудит и финансовый анализ - 2014. - №4. - С.452-456
- Домнина И.Н., Маевская Л.И. Роль институтов инновационного инвестирования в формировании инновационной системы российских
- Заостровцев А. Современная австрийская школа об институтах, проблемах развития и роли экономиста.// Вопросы экономики. 2015. №7. С.73-86
- Зельднер А. Г. Институты развития в привлечении долгосрочных частных инвестиций (научный доклад) Москва: Ин-т экономики, 2014
- Инновационные приоритеты и политика регионального развития в Российской Федерации. М.: Институт экономики РАН, 2014.
- Луговской Р. Новое законодательство в сфере стратегического планирования в Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления, 2014. №8. С.20-23.
- Лылова О.В. Особенности региональных рынков труда и их государственного регулирования (глава в монографии) // «Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления». М.: ИЭ РАН, 2015. С. 209-222.
- Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии //

Пространственная экономика. 2015. №2.

Одинцова А.В. Укрепление финансовой базы местного самоуправления: уроки зарубежного опыта // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 2. С. 246-251.

Одинцова А.В. Местное самоуправление как институт развития // Федерализм. 2015. № 2 (78). С. 87-100.

Пастухов В.Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. 2003. №3. С. 30-45.

Подстригич А.В. Региональные институты развития и их роль в модернизации экономики субъектов Российской Федерации : диссертация кандидата экономических наук : 08.00.05; [Место защиты: Ин-т экономики РАН] Москва, 2013

Примаков Е.М. Выступление на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2015 года в Центре международной торговли в Москве. Режим доступа: <http://tpprf.ru/ru/news/v-tsentre-mezhdunarodnoy-torgovli-moskvy-sostoitsya-zasedanie-merkuriy-kluba-i61924>.

Проблемы и стратегические направления реиндустриализации экономики России (Под ред. Гришина В.И. и Валентя С.Д.). М.: РЭУ им Г.В. Плеханова. 2014.

Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика регионов. 2013. №3. С.9-18.

Симметрия и асимметрия в российской модели федеративных отношений (научный доклад). М.: Институт экономики РАН. 2012.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. №473 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. Institutional stickiness and the new development economics // American Journal of Economics and Sociology. 2008. vol. 67, № 2. pp. 331-358.